

его была скована — не только принятием *status quo* за «богоустановленный порядок», но и не всегда уместным психологизмом в трактовании зла. Этот вопрос настолько важен для понимания идеинных исканий Гоголя, что его лучше выделить в особую главу.

ГЛАВА VI

1. Вся та демонология, которую Гоголь в изобилии находил как в русском (точнее — южнорусском) фольклоре, так и в немецкой романтике, прочно вошла в его созерцание людей, мира. В этом смысле ему были сродни и народные сказания, которые он умел ярко разукрашивать, доводя до жутких или иных картины (достаточно вспомнить Бия или рассказ «Страшная месть»), ему были сродни и те частые в немецкой романтике (Гоффман!) впутывания злых сил в обыденную жизнь, которые усиливали у Гоголя вкус к сближению реального и полуреального (фантастического или демонического) бытия. Не так давно было сказано о «Носе» Гоголя*, что эта «шутка», как выразился о «Носе» Пушкин, связана на самом деле с чертовщиной («глупость и пошлость суть условия пришествия в мир „темных сил“» — так обобщает Ульянов свое неожиданное истолкование «Носа»). Еще раньше Д. И. Чижевский (в статье «Неизвестный Гоголь») указал, что в первой редакции «Портрета» были строки о близком пришествии Антихриста, — и тут кстати Чижевский напомнил и о том ожидании близкого пришествия Антихриста, которое из Германии перешло в XIX в. в Россию. В самом рассказе «Портрет» есть какая-то связь с апокалиптическими идеями известного мистика Юнга Штилинга.

Все это опиралось в душе Гоголя на то изначальное представление о силах зла, о бесовских наваждениях, которое было связано с его религиозным миром. Как не знал Гоголь сомнений в бытии Божьем, так не знал он сомнений и в реальности злых сил, целого «царства зла».

Таковы общие предпосылки тех переживаний, которые были связаны у Гоголя с темой зла, — но на этом общем фоне его переживания составляли особый своеобразный узор, который вбирал в себя уже не только эти переживания, но и разные размышления.

2. Эстетическое отношение ко всякой пошлости, которое рано определяло художественные замыслы Гоголя, имело за собой и моральное отталкивание от всего низкого, недостойного, злого. Гоголь зорко подмечал все те уродства, которые

* См. статью Н. Ульянова «Арабеск или Апокалипсис» (Нов. журнал. 1959. № 57).

порождались действием злых движений в душе, — и отсюда пафос обличения у него: таков был художественный путь у Гоголя. Но почему возможны все эти уродства, где корень всяких мерзостей, неправды, пошлости? Сначала Гоголь просто рисовал все проявления уродства в жизни, но затем его мысль стала работать над вопросом о причинах зла в мире — тем настойчивее, чем больше рисовался ему, по его словам, образ «прекрасного человека». Весь план «Мертвых душ», превращение задуманного сначала романа в поэму — все это было связано с размышлениями Гоголя о победе над злом, о преображении жизни и людей.

Но основное содержание «Мертвых душ» фактически заключается все же лишь в раскрытии различных страстей, которые овладевают людьми, — особенно в «обольщении богатством». Не менее остро отмечал Гоголь пустоту жизни людей, живущих внешней жизнью (тут Гоголь особенно был беспощаден в отношении женщин с их мелочностью, суевицостью — достаточно вспомнить женские фигуры в «Ревизоре»). С особым раздражением писал Гоголь о власти и чарах всяческих «мод». «Что значит мода, — читаем у него, — ничтожная, незначащая, которую человек допустил вначале как мелочь и которая теперь как полная хозяйка стала распоряжаться в наших домах, выгоняя все, что есть главнейшего и лучшего в человеке? Никто не боится преступать несколько раз в день первейшие и священнейшие законы Христа, а между тем боится не исполнить ее (моды) малейшего приказания». В другом месте (тоже в «Выбр. местах») Гоголь пишет: «Мода подорвала все обычаи». Это, в сущности, вариации того, что писал Гоголь в ранней статье (1831 г.) «Об архитектуре нынешнего времени»: «Мы имеем чудный дар делать все ничтожным». «Богатырски задремал нынешний век», — писал Гоголь в «Выбр. местах», и это духовное усыпление человечества и есть главная причина того, что силы зла вторгаются в нашу жизнь.

3. Но тут есть, по мысли Гоголя, и другое — неустранимая и глубокая связь людей между собой, в силу чего, кроме прямой неправды, прямых грехов, есть неправда «косвенная». Все люди так связаны друг с другом, что зло, порождаемое одним человеком, неизбежно вовлекает в себя других людей, — по будущей формуле Достоевского: «Все виноваты за всех». У Гоголя нет этой формулы, он не идет дальше знакомых уже нам слов, что ныне «вина разложилась на всех» (что и значит, что все виноваты — хотя бы и не прямо, а косвенно и отдаленно). Эта «круговая порука» во зле, при чистоте и невинности отдельных людей, естественно указывает на то, что источник зла — не в отдельной личности, а в чем-то, что стоит за ними, что владеет всеми людьми. Именно в этой точке привычные демонические образы из

фольклора со всей их страшной силой над людьми вставали в сознании Гоголя. Вот любопытное указание на то, куда направлялась работа мысли Гоголя в теме зла (цитата из «Выбр. мест»): «В то время, как люди начали уже было думать, что *образование* выгнали злобу из мира, злоба другой дорогой, с другого конца входит в мир — *дорогой ума*». Гоголь критикует здесь наивные построения «теории прогресса», согласно которым рост просвещения освобождает людей от злых движений, — и это значит, что Гоголь отвергает те учения, согласно которым зло является продуктом невежества (т. наз. этический интеллектуализм). Но если просвещение лишь мимо изгоняет зло из мира, то значит его корни не в невежестве; тогда в чем они? Гоголь ясно склоняется к мысли, что при внешней гармонизации жизни зло все равно овладевает миром *«через страсти ума»*. Эта формула о «страстях ума» (она тоже — хоть по-иному — была высказана позже Достоевским) означает, что зло имеет в человеке какой-то свой особый источник — независимый от ума (ум сам становится проводником зла, в силу чего и возникают «страсти» ума).

Несколько ниже слов о злобе, овладевающей ныне умом (все это в статье «Светлое Воскресенье» в «Выбр. местах»), читаем: «Диавол выступил в мире уже без маски», т. е. как чистая злоба, несводимая к невежеству или разным душевным страстям (склонность, фанатизм и т. п.). *Именно это и только это* и имел в виду Гоголь в своих словах о диаволе; нет никаких оснований расширять его мысль, преувеличивать, заострять (к чему так склонен был Мережковский в своей книге «Гоголь и черт»). В своих интимных религиозных переживаниях Гоголь не раз глубоко ощущал «личный» характер злой силы; известны слова, написанные Гоголем за несколько дней до смерти: «Господи, свяжи сатану таинственной силой неисповедимого креста». В течение всего второго периода жизни Гоголь ощущал силу зла, но глубоко верил в победу над ним при обращении к Богу. В письме к Шевыреву (апрель 1847 г.), Гоголь пишет, что слова Шевырева, «как черта выставить дураком», попали в тант с мыслями самого Гоголя. «Уже с давних пор, — продолжает Гоголь, — я только о том и хлопочу, чтобы после моего сочинения человек вволю посмеялся над чертом». Все дело злого духа держится на легкомыслии, небрежности, суетности людей, — но злая сила отступает, когда челоек ищет помощи у Бога и, освобождаясь от легкомыслия и небрежности, становится способным одолевать искушения.

Гоголь был достаточно трезвым, чтобы понимать, что победа добра над злом часто становится мнимой в силу именно легкомыслия людского. В записной книжке 1846 г. Гоголь записал: «Грусть от того, что в добре не видишь доб-

ра». В заметках к 1-й части «Мертвых душ» Гоголь пишет о «пустоте и праздности» городской жизни, которая смеяется «мутной, ничего не говорящей смертью...», «это страшное событие совершается бессмысленно, смерть не поражает мир». Все это Гоголь хорошо и остро чувствовал; его «оптимизм» (если можно так охарактеризовать его веру в победу добра) не был продиктован наивным или скользящим по поверхности восприятием современности,— и все же Гоголь верил в победу добра.

Но если припомнить то, что мы находим во 2-м томе «Мертвых душ», о том, какое глубокое потрясение пережил Чичиков, когда его посадили в тюрьму, и которое, казалось, преодолевало его обычный аморализм, его обольщение богатством под влиянием Муразова,— как это начинавшееся возрождение души Чичикова сразу же оборвалось, когда его освободили из тюрьмы и вернули ему заветную шкатулку,— то ясно, что фактическую силу зла в человеческой природе Гоголь ощущал очень глубоко. Муразов говорит Чичикову: «Забудьте этот мир... вы видите — все в нем враг — искуси-тель или предатель». На некоторое время потрясение, пережитое Чичиковым, действовало, оживляя его: «Что-то странное, какие-то неведомые доселе, незнаемые чувства, ему самому необъяснимые, пришли к нему — как будто хотело в нем что-то пробудиться, что-то подавленное суровым, мертвым поучением». В этих словах нетрудно увидеть отзвук мыслей Гоголя о «девственных силах», живущих изначала в человеческой душе,— мыслей, которые были связаны у Гоголя с эстетической антропологией его. Вот и в Чичикове эти «девственные силы» были, в сущности, только заглушены, отодвинуты в глубь души, но не исчезли и хотели даже «пробудиться». Но все это было еще недостаточно созревшим и при первом повороте в жизненном положении, эти глубокие движения души снова потонули, уступив место прежним «обольщением».

4. Мысли Гоголя о зле и его силе могли облекаться в фразеологию, к которой он привык, вживаясь в демонологию народных верований, в жуткое ощущение близости к нам демонических сил,— но все это было больше в первый период его духовной жизни, когда Гоголь еще не освободился от немецкой романтики, от русского фольклора. Во второй же период жизни Гоголь, сохранив ту же фразеологию, вкладывает в нее тот более точный смысл, какой определялся его религиозными взглядами. «Дело идет теперь не на шутку! — писал Гоголь («Выбр. места»), — мы призваны «на битву» — и с чем? Это ясно — с духом зла, с злой силой, опутывающей сердца людей и заглушающей строгую тайну жизни и сокровеннейшую небесную музыку этой тайны». Однако это сознание неустранимости борьбы с духом зла

совсем не обращается у Гоголя в какую-то одержимость всякой дьявольщиной — Гоголь больше всего занят *не силами зла вне и над человеком, — а тем злом, которое живет и развивается в душе человека*. Последние годы жизни Гоголя все проникнуты идеей, что прежде всего и больше всего виноват «применитель» — отдельные люди, которые могли бы осуществлять правду Божию, каждый на своем месте, но пребывают в состоянии духовного сна, мечтательности или (что чаще) поддаются всяким обольщению, преимущественно обольщению богатством. Это звучит достаточно банально, пожалуй, — но Гоголь все же не представитель того индивидуалистического понимания христианства, которое суживает христианство до темы личного спасения. Гоголь занят темой, которая уже достаточно тогда созрела у русских людей, но о которой никто до Гоголя не говорил серьезно и глубоко, — темой о христианизации жизни, преображении жизни и в этом порядке темой о «праведном хозяйствовании», о преодолении господствовавшего и тогда, да и теперь «экономического индивидуализма» (*chacun pour soi*). Правда Христова много раз проповедовалась, но то, что мы находим у Гоголя, есть попытка постановки вопроса о реальном и всеобщем осуществлении правды Христовой. Вся духовная гениальность Гоголя, все неоценимое значение его в истории русской духовной культуры именно в этой задаче «практического христианства», в разработке вопросов «богословия культуры», т. е. христианского понимания вопросов жизненного, культурного творчества. Гоголь является поистине апостолом идеи преображения жизни на началах Православия, он пророк «православной культуры». Именно в этой идее и завершилась его романтическая критика культуры; Гоголь занят «общим делом», проблемой оздоровления самых основ исторической жизни, проблемой «праведного хозяйствования». Что Гоголь касается здесь самой основной и глубокой темы христианства вообще, русской церковной жизни в частности — в этом не может быть сомнения. Он однажды написал удивительные слова (все в той же книге «Выбр. места»), которые показывают, в каком направлении шла работа его мысли по вопросу о реформе жизни, о ее рехристианизации. Вот эти слова: «Уклонение духовенства от прямой жизни во Христе оставило на произвол все частные отношения каждого человека в его частном быту». Это меньше всего клерикализм, это, наоборот, та самая идея «оцерковления жизни», о которой говорил потом Достоевский, та идея «социальной теократии», о которой с таким одушевлением писал недавно Карташев в своей книге «Восстановление св. Руси». Приведу подробности из статьи Гоголя, из которой мы взяли цитату, только что приведенную (статья называется «Занимающему важное место»): «Все европейские государства болеют теперь

необыкновенной сложностью законов и постановлений. Повсюду заметно одно замечательное явление — а именно: законы собственно гражданские выступили из пределов и ворвались в область, им не принадлежащую... вторгнувшись в область, *долженствующую оставаться вечно под управлением Церкви*. Случилось это не насильственно: разлив гражданских законов произошел сам собой, встретивши повсюду пустые места... *Раньше мирила человека с человеком Церковь*, а не гражданский закон. Нужно поэтому, чтобы за Церковью вновь было утверждено то, что должно вечно принадлежать Церкви». Дело идет, как ясно, о внутренних отношениях людей друг к другу, о духе этих отношений. Это и есть общая идея рехристианизации жизни взамен внешнего регламентирования человеческих отношений.

Мы выделили этот пункт в построениях Гоголя, чтобы подчеркнуть, что в теме зла его не *пугало признание реальности духов зла*. «Связать сатану» может и человек, если обратится к помощи Божьей; никакой одержимости Гоголя демонологией, сознанием всякой дьявольщины в мире Гоголь во второй период жизни не страдал. Все то, что Мережковский и другие выдумщики, развивая *свои мысли*, приписывают Гоголю, — преувеличенно, неверно освещает духовный строй Гоголя.

Мы кончили изложение взглядов Гоголя на проблему зла; мы в общем обозрели все основные темы его и размышления, и теперь можем обратиться к анализу и общей оценке мировоззрения Гоголя.

ГЛАВА VII

1. Мы ознакомились с достаточной полнотой с идейными построениями Гоголя, как они развивались у него во второй период его жизни. Нечего и говорить, что у него не было «стройного мировоззрения», которое находил у Гоголя Мочульский: у Гоголя было несколько центральных идей, но они не сложились у него в цельное и законченное мировоззрение, — и не потому, что у Гоголя не хватило необходимой мыслительной силы, а потому, что проблематика, которой он был занят, была сложнее, чем это казалось ему, чем это кажется многим и ныне. Гениальной была самая тема, которой был занят Гоголь, — тема о христианских путях жизнен-